

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

ИМЯ калмыцкого поэта Давида Кугультинова широко известно. И дело, думается, не в больших тиражах его книг, не в премиях и не в званиях. Поэзия Давида Кугультинова стала самобытным явлением в нашей литературе, его слово отличается большой мыслительной (если так можно выразиться) нагрузкой.

Среди широкого охвата проблем наиболее значимой и важной для понимания сути творчества Д. Кугультинова представ-

нает Давид Кугультинов, задать себе вопрос, способен ли ты одолеть «труднейшую дорогу, по которой нужно было идти, сбивая в кровь ноги, в изумительную страну, называющуюся Поэзией».

Так или иначе, юность верна своей дерзости. И учеником десятого класса он сдал в издательство первую книжку под названием «Стихи юности». В свет она вышла в 1940 году. В том же году Давид Кугультинов был принят в Союз писателей СССР. Ему было восемнадцать лет.

ологии, а не предстает голосом самой действительности, как игра в страдание, а не «крик» страждущей души, наконец, как стремление к самовыявлению своих достоинств, а не как неизбежная реакция на человеческую боль, рождающую бессмертное признание: «Не могу молчать!».

Изуверившееся в счастье предназначении человека на земле сердце не способно так тревожно, так мощно, взволнованно-набатно откликаться на всё, что и вчера, и сегодня покушалось и покушается на человеческое счастье, как откликается на это поэтическое сердце Давида Кугультинова. Истратившее себя на пустоту словесной эквилибристики, на философствование по поводу собственных болячек и бытовых дрязг поэтическое дарование оказывается неспособным постичь трагедию народа, героическую битву его за освобождение и осудить всей страстью сердца бесчеловечность дикарей XX столетия — убийц-наемников и собственных гангстеров мира империализма, как это сделал Давид Кугультинов в больших полных поэм «Воспоминания, разбуженные Вьетнамом», «Повелитель время» и «Бунт разума». Они буквально пронизаны звуком набата сердца художника, не могущего мириться с бесовской сутью тех, кто сеет и понине смерть на земле, кто не научен ничему горьким опытом пережитого в огне второй мировой войны, не отрезвлен атомным безумием Хиросимы. И потому не философским рецитативом по поводу вечных тем, а проникновенным чувством полны строки зачина поэмы «Бунт разума»:

Со смертью жизнь — две силы,
две основы, —
Соединяя мудро и светло,
Кристалльно чистой влагой
родниновой
Смягчая Боль и укрощая Зло,
Отрадно возвращаясь,
мерно споря
С ожесточением людского
горя,
Печали здешней
воздавая дань,
Но унося через земную
грань, —
Из тесноты страдающей
Вселенной
Плыл моцартовский
Ренессанс нетленный...

— звучал над телом погибшего на вьетнамской земле американского парня Томаса, выводя мысль художника на исследование причин духовного распада общества «свободы». Набат поэта вырастает в великий призыв к людям планеты предостеречь безумие, граничащее с самоуничтожением всего человечества. Тревожный набат! Все в его поэтическом мире пронизано верой в бунт разума, который заставит людей обуздать гонку вооружений и не допустить атомной истерии дикарей. Этому подчинены все компоненты «мироздания» поэмы «Бунт разума» и других эпических полотен Д. Кугультинова, включая реальность и фантазию, быль и легенду, притчу и эпос. Они сливаются воедино могучим набатом сердца, а потому работают на философию защиты, созидания и утверждения мира на земле. Иначе и не могло быть у поэта, для которого война была самой жизнью. Таковой для него является и сама философия. Она рождена в его поэтическом мире реальностью бытия, а поэтому неотторжима от сердца.

Борис ЛЕОНОВ

Набат сердца

ляется мне проблема философского осмысления поэтом разных сфер бытия, постижения должного сквозя призму сущего и даже насущного. Именно это качество его поэтической природы крепкими корнями не только связывает с родным народным творчеством и с классикой, но и заметно выделяет среди поэтов-современников, обуславливает своеобразие и самобытность созданных им стихов и поэм.

Я не тешу себя мыслью о первооткрывательстве органичного философского начала в зрелом творчестве Давида Кугультинова. Это его качество очевидно и отмечено многими. Однако никто из исследователей не ставил перед собой цели показать сам путь поэта к новому качеству, а потому не воспроизводил диалектику становления и развития особенности философского наполнения стихов поэта в ходе его творческого развития — от первых романтических, несколько декларативных до вершин лирики, составивших сборники «Я твой ровесник», «Жизнь и размышления», и таких поэм, как «Воспоминания, разбуженные Вьетнамом», «Повелитель время», «Бунт разума».

Оглядываясь на свою юность с вершины прожитых лет, Давид Никитич Кугультинов с доброй иронией и едва уловимой грустной нежностью вспоминает дела давно минувших дней в биографическом очерке «О себе». О том, как рано пристрастился к чтению, к духовной сокровищнице народа — фольклору, и прежде всего к национальному калмыцкому эпосу «Джангар», как любил рассказывать товарищам и старикам услышанное и прочитанное. Так с детства он уже жил в «творческой» атмосфере.

«Не помню, — признается поэт, — когда я начал писать стихи, но первое стихотворение напечатал в двенадцать лет в многотиражке совхоза № 107. Стихотворение имело длинное название «Успешно проведем отлаченную кампанию». Были и другие стихи, непосредственно откликающиеся на «злобу» текущего момента. Не обделен был юный стихотворец и похвалой, и подарками за лозунгово-призывные свои сочинения. Однако время делало свое, а жизнь уготила ему встречу с писателем Баатром Басанговым, который во многом буквально перевернул его представления о поэзии, заставил всерьез задуматься о будущем. И прежде всего, вспоми-

Из тех далеких «стихов юности» лишь несколько включаются поэтом в свое «избранное». И то, вероятно, лишь для того, чтобы обозначить точку отсчета в творческой биографии.

Как воздух чист!
Как ночь светла!
Как степь родная расцвела!
В долине выжженных
песков,
Где столько сгинulo веков,
Воздвигся город молодой...

Несколько риторический напор романтики юности в этих стихах был созвучен в самом настрое с молодостью нового общества, радостно переживающего расцвет физических и духовных сил. Казалось, ничто не загасит этой светлоты чувства, не посягнет на созидательный труд строителей нового общества...

Но пришел грозный 1941-й. Со второго курса педагогического института был призван в действующую армию и Давид Кугультинов. Именно здесь, на фронте, произошло подлинное формирование его как человека и художника. Вступление в партию, работа политработника и газетчика, участие в боевых операциях кавалеристов — все это веки зрелости, той зрелости души, которая не преминула отразиться в качественной перестройке самого стихотворного мира поэта.

Читая сегодня стихи Давида Кугультинова военных лет, видишь, что эта перестройка шла не по пути отказа от юношеских идеалов. Напротив, шла именно в русле их, но прежде всего за счет наполнения вчерашних названных понятий новым серьезным содержанием, весомостью чувства и мысли. Слово обрело такую значимость, какой еще вчера не предполагал сам юный поэт. Цена его измерялась отныне человеческой жизнью. Юность бессмертна по своей энергии, по своим представлениям о дне нынешнем и завтрашнем. Потому-то она и сумела перенести тяготы войны, поправ даже самую смерть. Но и она не оказалась глухой к поступи времени, которое входило в стихи лязгом гусениц танков, гулом артиллерийской канонады, тяжким шагом пехоты, плачем матери и печальным голосом ребенка.

И уже не столь внешние приметы фронтового бытия с остро-срабатывающими атаками на врага, с яростными контрударами в обороне и с картинами обугленных домов и испепеленных деревьев предстают в стихах огненных лет Давида Кугультинова, сколько

внутреннее постижение того, что испытывает, что несет в своем оскорбленном фашистами и потому наполненном священным гневом сердце советский человек — солдат и труженик. Внешнее теперь, а оно не исчезло, оказывается не чем иным, как истоком погружения в глубины души, в раздумья о времени, о сути жизни, о предназначении человека. Но вместе с тем это внешнее, неся в себе жгучий ответ действительности, убергает поэта от абстрактного философствования, которое могло бы оказаться своеобразной бронированной башней души, дабы укрыться ей, контуженной страхом, от жутких видений происходящего. И потому у поэта все зримо, осязаемо и удетерено связью с героикой исторического прошлого.

Видишь? В тяжелой пыли
С запада движется враг.
Степь! Если в грозном бою,
Струсив, себя запятнаю;
Степь! Если Джангра
и Хонгра
Я осверню имена —
Кровь мою в гной преврати,
О, степь!
И, брезгуя мною,
Тело мое не прими
В лоно святое свое!

В этой поэтической клятве сердца ощутимы разные пласты словесного прочтения лирического «я», слитого с родиной, с героями национального эпоса, с присягой бойца Красной Армии. А начинается клятва с констатации картины внешнего мира. Сердце наливается металлом гнева; ненависти, горечи, печали, тоски и отмищения. И оно уже начинает звучать набатно, призывая соотечественника совершить священный долг — разить врага за гибель родных и любимых.

Клянусь! И клятвы своей
двоек не нарушу я,
Не убежать от стонов мира,
Не отступить от зова мира.
Да выдержит сталь оружия:
Я болыю своей и гневом буду
стрелять!

Вот поэтическое кредо Кугультинова в постижении реальной действительности. Философское понимание бесценного дара жизни обрело сердечные параметры. Отныне в его поэзии все, усиливаясь и укрупняясь, будет восприниматься «глазами сердца» (так позднее он назовет сборник своих стихов), прослушиваться и пониматься опять же сердцем.

Философствование ради демонстрации своих мыслительных возможностей — удел стихотворцев, обделенных причастностью судьбы своей к судьбе народной. В их стихах философия проступает как свойство фразе-